

Кукольник Нестор Васильевич

**Два Ивана, два Степаныча, два
Костылькова**

Часть 1 и 2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Н56

Н56 **Нестор Васильевич К.**
Два Ивана, два Степаныча, два Костылькова: Часть 1 и 2 / Кукольник Нестор Васильевич –
М.: Книга по Требованию, 2023. – 390 с.

ISBN 978-5-519-91666-0

ISBN 978-5-519-91666-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

дить! а она, чай, притворомъ заплуталась; того и гляди сбѣжить, а скажутъ волкъ съѣлъ.—И уже не обинуясь онъ сталъ кричать: Маланья, Маланья!

По всему лѣсу раздалось имя Маланьи, только съ прибавкой: Ивановна. Другіе, видно, не смѣли кликать ее иначе... Въ то же время по дорогѣ тащился не малый обозъ. Разнородныя повозки обнаруживали, что это поѣздъ не маловажной персоны; первая повозка была колымага; шесть дюжихъ лошадей тащили ее шажкомъ; возлѣ шелъ пѣшкомъ въ польскомъ платьѣ высокій парень съ арапникомъ и повелительно наказывалъ молчаніе. Всѣ проводники, то есть: кучера и челядинцы съ трепетомъ посматривали на арапникъ, и хранили глубокое безмолвіе. Только и слышенъ былъ стукъ колесъ да копытъ, при медленномъ движеніи поѣзда, весьма незначительный; за поѣздомъ также шестерка тащила большую бричку, затянутую полотномъ; за нею на четырехъ тройкахъ ѣхала челядь, везли чемоданы, сундуки и прочее. Крики со всѣхъ сторонъ: Маланья Ивановна, Маланья Ивановна! раздались въ лѣсу именно въ то время, когда колымага бережно спускалась въ огромную лужу, разлитую поперекъ всей дороги, такъ что парень съ арапникомъ долженъ былъ проходить въ бродъ, что онъ и началъ исполнять вмѣстѣ съ лошадьми весьма добросовѣстно и осторожно. Но едва раздались крики, какъ изъ колымаги послышался женскій голосъ:

— Что тамъ такое? Городъ, что ли? А я тебѣ, болванъ, говорила: ѣхать шагомъ. И поспать не дали!..

Крики въ лѣсу продолжались... Занавѣска въ колымагѣ отдернулась, и оттуда выглянула голова, повязанная платкомъ, и грознаго вида.

— Что тамъ такое? Ну, я здѣсь; что надо?

Но грозное и румяное лицо въ минуту поблѣднѣло, когда путешественница замѣтила, что голоса неслись изъ лѣса.

— Лѣшіе! вскрикнула она — и спряталась, и задернула занавѣску, и окутала голову въ подушки и перины, которыми колымага была преполнена. Въ бричкѣ произошла та же сцена, съ небольшими перемѣнами; полотно на-скоро отпахнулось; въ отверстіе выглянула голова такого же объема и вида; по голосу только можно было узнать, что въ бричкѣ пребывалъ мужчина.

— Что за шумъ! — воскликнулъ путешественникъ. Дамъ я вамъ воеводскій сонъ тревожить!

Но въ то же мгновеніе, замѣтивъ откуда голоса, воевода поблѣднѣлъ и затрясся всѣмъ тѣломъ...

— Семень, Вуколь, Евлампій, Андрей, Марѳа, Палашка, творите молитвы, то лѣшіе.

И воевода сталъ креститься обѣими руками... Лѣшіе! — закричало множество голосовъ; посыпались нещадные и несчетные удары кучерскихъ плетей; лошади понесли во всю мочь; парень съ арапникомъ, видя, что его оставляютъ на жертву всему сборищу лѣшихъ, съ отчаянья вскочилъ на желѣзную ножку брички и ухватился обѣими руками за полотно; оно рвалось въ рукахъ его; онъ хватался за обручи; и тѣ не выдержали; въ ужасѣ онъ уцѣпился за воеводу; а тотъ зажмурясь кричалъ во все горло:

— Отпусти душу на покаянье! Со всей провинціи ни алтына не возьму, ни ложки патоки; ужь тогда меня кушай, какъ взятку возьму... Ой, душишь, душишь! Помогите!

Напрасно! Каждый думалъ о себѣ, даже лошади неслись, или лучше сказать несли воеводскій поѣздъ, съ курьерскою быстротою. Три или четыре версты, остававшіяся до города, проскакали во весь опоръ и какъ вкопанные остановились передъ постояннымъ дворомъ, сопя и поматывая ушами. Не успѣли путешественники очнуться, какъ уже цѣлая провинція, то есть, весь городъ окружилъ поѣздъ. Осмѣлясь открыть глаза, воевода съ ужасомъ увидѣлъ, что за ноги его все еще держался гайдукъ Семень.

— Плетей!—закричалъ воевода: Такъ это ты вздумалъ лѣшаго показывать... Это что!? Мы въ провинціи! Въѣхали безъ трезвона, безъ церемоніи!? Вотъ я тебя! вставай!

И воевода давай тузить Семена, къ общему удовольствію всей провинціальной публики. Громкій смѣхъ стлался по всей площади и привелъ воеводу въ неистовство; онъ успѣлъ какъ-то освободить ноги изъ окоченѣлыхъ рукъ Семена, всталъ, но такъ какъ всю бричку наполняли перины, то воевода, качаясь на пуховой каедрѣ, возгласилъ такъ:

— Смирно! Дамъ я вамъ смѣяться надъ вашимъ воеводой!

Горожане оробѣли; смолкли; одни пустились бѣжать; другіе, ближайшіе къ сценѣ, повалились въ грязь на колѣни, и низко кланяясь, жалобно

вопили:—Прощенья просимъ, государь воевода; опознались, батюшка, отецъ нашъ родимый!

— То-тоже!—сказалъ воевода, ободрясь и подбоченьясь. По домамъ! А кто въ четверть часа не будетъ сидѣть дома, или будетъ сидѣть дома, да учнетъ глазѣть въ окошко—весьма будетъ оштрафованъ. По рублю съ рыла! По домамъ!..

И площадь опустѣла. Провожая бѣгущихъ взорами и довольною усмѣшкой, воевода выползъ изъ брѣвни и подошелъ къ колымагѣ.

— Меланья Ивановна!—сказалъ онъ тихо.

— Пришла моя бѣда!—шептала воеводица: подбирается.

— Меланья Ивановна, да не бойтесь ничего, это я, вашъ супругъ и сожитель, Максимъ Ивановичъ...

— Да ужъ если бы ты былъ Максимъ, такъ не я, а ты бы меня боялся; а ты не Максимъ, ты извѣстно кто...

— А кто же я, Меланья Ивановна?..

— Да я никогда богомерзкихъ словъ не говорю и не говорила; а если и случалось какъ ни есть сказать непутное слово, такъ безъ умысла, видитъ Богъ, безъ всякаго намѣренія.

— Кто объ этомъ говорить; вы такіе благодушные...

— Видишь, видишь, какъ подмасливается! Благодарная не благодарная, а такая, какъ и всѣ грѣшныя Еввины внучки.

— Такъ подымайтесь, Меланья Ивановна, пока никого на площади нѣтъ.

— А ты меня искушаешь...

— Гдѣ мнѣ! И лѣшій подавится. Да перестаньте же бояться; надо приниматься за воеводство; а скоро и солнце зайдетъ. Съ этими словами воевода собственноручно — отдернулъ занавѣску и Меланья Ивановна, всплеснувъ руками, приподнялась на перинахъ:

— Батюшки свѣты! Точно! Ты! Максимъ Ивановичъ! Ты, Буруновъ, воевода!.. а это наша провинція, что ли? Это наши улицы?

— Наши, матушка Меланья Ивановна! Только подымайся проворнѣе. Любопытство заперъ я на замки, окна имъ замазалъ воеводскимъ словомъ, да этотъ порокъ, матушка, пожалуй въ трубу вылѣзетъ... Такъ поторопись, пока никого нѣтъ!

— Да какъ же я потороплюсь? Вѣдь ты знаешь. что я ноги разула; жару боялась, а чулки и башмаки Палашка еще на томъ постояломъ дворѣ, гдѣ ночевали, съ собой унесла. Поди-ка, кликни Палашку...

Пока Меланья Ивановна обувалась и оправляла остальной свой дорожный нарядъ, Максимъ Ивановичъ пошелъ на постоянный дворъ языка добыть: справился гдѣ земская контора, гдѣ воеводскій домъ. По счастью хоромы, предназначенныя для жительства воеводы, были близко и стояли впустѣ, нѣсколько шаговъ, и поѣздъ сталъ разгружаться. Всѣ сундуки, узлы, кострюли, котлы, перины, подушки, хомуты, словомъ всѣ вещи, включительно съ Меланьей Ивановной и челядинцами, размѣстились въ восьми такъ называемыхъ

чистыхъ покаяхъ и въ полномъ смыслѣ нечистыхъ кухнѣ, людскихъ, сѣняхъ, каморкахъ, и другихъ разнаго рода и званія шкафикахъ. Чистые покои отъ нечистыхъ отличались тѣмъ, что въ чистыхъ были окна по-шире, но безъ стеколъ; печи на деревянныхъ ножкахъ, и стѣны нѣкогда обиты бумагой съ узорами; но эти провинціальныя обои повсемѣстно были проточены домашними насѣкомыми, отклеились и при малѣйшемъ дуновеніи вѣтра, имѣвшаго свободный входъ въ воеводскія хоромы со всѣхъ сторонъ, производили гармоническій шумъ, подобно тому, когда глубокая осень изъ сухихъ листьевъ стелеть, зимѣ постельку и ворчитъ неумолчно. Замковъ у дверей, петель у оконъ, дверецъ и заслонокъ у печекъ, не было. Глядя на эти хоромы, можно было подумать, что тутъ давнымъ-давно не жили люди. Но это не поражало пріѣзжихъ; одинъ только Максимъ Ивановичъ поглядывалъ на раны въ дверяхъ и окнахъ, и лукаво улыбался. Меланья Ивановна суетилась; ходила взадъ и впередъ по всѣмъ комнатамъ и съ важностью рѣшала: гдѣ быть спальнѣ, гдѣ столовой, гдѣ дѣтской...

— Да зачѣмъ же дѣтская?—спросилъ Максимъ Ивановичъ.

— Какъ зачѣмъ?

— Да вѣдь у насъ нѣтъ дѣтей!

— Все одно. А дѣтская пускай будетъ. Такъ и у нашего воеводы было: я ужъ все высмотрѣла. Точь въ точь такой же порядокъ будетъ и у меня.

— Да зачѣмъ же матушка, когда дѣтей...

— Перестанешь ли ты умничать? Вотъ только разсерди меня, дюжину дѣтей заведу, надъ ухомъ тебѣ усажу; писку да крику будетъ на три дома. Каждый сверчокъ знай свой шестокъ; ты управляйся съ провинціей, радѣй о доходцѣ, а хозяйство—мое дѣло. Для бумажныхъ дѣлъ вотъ тебѣ канурка; окно есть, чего больше; а въ хоромы не встунайся! Вотъ ты бы лучше послалъ за комиссаромъ; помнишь, какъ Анна Екимовна за тобой посылала; наказалъ бы ему какой ни есть рухляди поднести; на первый случай хотъ бы кровать для меня: а ты ночь проспишь и на лежанкѣ; да велѣлъ бы перекуску какую сладить. Не тратиться же въ своей провинціи на харчевню.

— Знаешь, и водочки...

— Ну ужъ, на первыхъ порахъ тебѣ бы остеречься. Подмѣтятъ, что лакомка, вмѣсто денегъ, стануть харчами отдѣлываться. За водкой-то можно бы и Семена послать; пусть возьметъ на алтынъ, будто для себя...

— Дѣло, жена! Люблю разумную рѣчь. Эй Семены! Поди-ка, возьми косулю, да прежде въ земскую контору зайди, да въ сѣняхъ такъ и гаркни:—Его высокоблагородіе осьмого класса воевода Максимъ Ивановичъ спрашивать изволить къ себѣ земскаго комиссара здѣшняго уѣзда!

Не прошло и десяти минутъ, какъ на дворѣ слышался споръ между голосами, все басового разряда...

— Помилуйте, Иванъ Петровичъ, его высокоблагородіе изволили меня кликать...

— Поди ты, Ёмка! пусти, я старше, мнѣ и идти прежде. Чинъ чина почитай...

— Но вы можете погубить меня; могутъ принять за непослушаніе...

— То-то-же, Ёмка! Слушаться! Посторонись!

И по тесовому крыльцу закрипѣли тяжкіе шаги тучной персоны. Какъ черная туча своей громовой музыкой наводитъ страхъ и трепетъ, такъ голосъ и походка тучной персоны заставила Максима Ивановича невольно застегнуться и поправить рѣдкіе волосы на головѣ, которая къ досадѣ воеводы блистала наготою, а оба парика были подъ спудомъ, въ неизвѣстныхъ ему сундукахъ. Никакихъ дальнѣйшихъ распоряженій нельзя уже было сдѣлать, потому что персона въ зеленомъ кафтанѣ и преогромномъ парикѣ, пригнувшись въ дверяхъ, бережно вступила въ комнату и остановилась у порога.

— Что тебѣ, батюшка, надо? спросила Меланья Ивановна.

Но Максимъ Ивановичъ перебилъ:

— Не путайся, жена, не въ свое дѣло; это уже мое хозяйство, подлежитъ моему начальству. Ну-ка, батюшка, кто ты и что тебѣ надобно?

— Такой-то провинціи, такой-то губерніи, земскій камериръ, то-есть надзиратель за сборами, пришель по силѣ Генеральнаго Регламента, главы XXIV «о комплиментахъ», господину воеводѣ, яко президенту моему, честь отдать и респектъ учинить...

— Апробую! съ важностью отвѣчалъ воевода и

съ самодовольствіемъ посмотрѣлъ на Меланью Ивановну...

— Да что, батюшка надзиратель! И я рада твоему знакомству, да видишь, посадить-то не на чемъ, развѣ на сундукъ, да боюсь, чтобы тучности твоей не приключилось какого ущерба...

— Ха, ха, ха, ха, раздался густой басъ камерира. Изволите шутить! Мы и стоимъ, ноги не отымутся. Да и совѣстно безпокойство вамъ наносить въ такое время. Не прикажутъ-ли чего ваши высокоблагородія, а что до другого чего, можно отложить и на завтра...

— Противу порядка, батюшка, противу порядка! Порядокъ душа всякой дирекціи и долженъ быть вездѣ, даже въ вещахъ самыхъ ординарныхъ. Откладывать нельзя и не указано. Наставь, гдѣ бы мнѣ тутъ у васъ въ провинціи на скорую руку кровать испустить...

— Двухспальную или простую?

— Простую, батюшка, закричала Меланья Ивановна, не до прихотей теперь.

— Фигурную или ординарную?

— Простую, говорятъ тебѣ...

— Деревянную или желѣзную? Я видѣлъ въ госпиталѣ...

— Деревянную! закричала Меланья Ивановна пуще прежняго, но неустрашимый камериръ продолжалъ:

— На веревкахъ или доскахъ?

— На веревкахъ!

— Такой нѣтъ!

— Ну, такъ на доскахъ.

— И такой нѣтъ въ продажѣ; военные коммисары всѣ искупили, а я вамъ пришло мою запасную... У меня двѣ, тучности ради: одна ломается; впрочемъ я имѣю подозрѣніе на Егорку. Большой мошенникъ! Есть толстяки и не мнѣ чета, а все подъ ними кровати цѣлы... Впрочемъ я и сѣку Егорку, какъ слѣдуетъ. По два раза въ недѣлю; коли не за что, такъ въ запасъ, да онъ свое наверстаешь, всегда счета очистить, да еще въ долгъ наплутуетъ. Вотъ онъ кровать принесетъ. Извольте только на рожу взглянуть. Сами увѣритесь, что я еще съ нимъ обращаюсь милостиво, балую...

— Хорошо, батюшка, хорошо, прервала Меланья Ивановна. Съ своимъ добромъ, какъ знаешь, управляйся, только кровать пришли. Почитай смерклось.

— Жду указа!

— Апробую! Стунай, батюшка, а завтра по регламенту прошу въ присутствіе ровно въ шесть часовъ.

— Слушаю-съ! счастливо оставаться.

И ретируясь, въ законной позиціи изъ комнаты, камериръ наступилъ на тощую и длинную фигуру, стоявшую за дверьми...

— Извини Лукичъ! пробурчалъ камериръ, и крыльцо опять закрипѣло... На его мѣсто вступила въ комнату тощая фигура и не разгибаясь остановилась у порога.

— Ну, а ты что?

— Земскій секретарь, ваше высокородіе! хотя